

Л.М.Варданян

*Евгения Тиграновна Гюзальян:
забытое имя
в армянской этнографии*

В истории армянской этнографии имя Евгении Тиграновны Гюзальян практически забыто. Е.Т.Гюзальян не имела научных трудов и даже небольших научных публикаций: она их просто не успела написать. Но когда при подготовке данной статьи буквально по крупицам и отдельным фрагментам стали воедино собирать результаты всего проделанного ею, постепенно начал вырисовываться образ неутомимой труженицы, своей будничной и, казалось бы, неприметной работой внесшей немалую лепту в становление и развитие этнографического музееведения в Армении.

Родилась Евгения Тиграновна в 1903 г. в интеллигентной семье. Ее детство и юность прошли в Тифлисе. Здесь работал ее отец, Тигран Галустович Гюзальян, выпускник Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, агроном по образованию; ее красавица мать, Ераняк Варданян, занималась общественной деятельностью; умерла довольно молодой от оспы.

Как известно, в тот период Тифлис был центром армянской научной, духовной и культурной жизни, и большая дружная семья Тиграна Гюзальяна постоянно находилась в гуще всех общественных событий. Двери их гостеприимного дома были всегда открыты для многих известных деятелей, с большинством из которых хозяин дома был не просто знаком, но и дружил. Особенно теплые и дружеские отношения связывали его семью с семьей великого армянского поэта Ованеса Туманяна, а также известного ученого и педагога С.Д.Лисициана, который впоследствии во многом определил выбор научного пути Евгенией Гюзальян.

Евгения (Женя) была самой младшей из четверых детей в семье (двоих сыновей и двоих дочерей). Окончив в Тифлисе известную армянскую женскую школу Гаянян, она поступила на

этнографическое отделение Государственного историко-лингвистического института в Ленинграде, где в это время на восточном факультете Ленинградского университета учился младший из ее братьев, впоследствии известный востоковед Левон Тигранович Гюзальян. Летом 1930 г., перейдя на последний курс Института, она получила приглашение пройти практику в Культурно-историческом музее (ныне Государственный музей истории Армении)¹. Инициатива эта исходила от крупнейшего армянского этнографа и организатора науки постреволюционного периода Степана Даниловича Лисициана², незадолго до этого возглавившего этнографический отдел музея. В этот период музей находился в состоянии организационного становления и испытывал острую нехватку профессиональных кадров.

Учитывая этнографическое образование Евгении Гюзальян, а также близкое знакомство с ее семьей по Тифлису, Лисициан возлагал на девушку большие надежды. Поэтому не случайно в следующем, 1931 г. он стал хлопотать о ее распределении именно в Армению, послав по двум адресам — в Историко-лингвистический институт в Ленинград и в Учраспред сектора кадров Наркомпроса в Москву — телеграммы следующего содержания: «Культурно-исторический музей Армении просит направить к нам оканчивающую курс этнографического отделения Историко-лингвистического института Евгению Гюзальян на постоянную работу»³. Так она приехала в Ереван и всю свою недолгую жизнь связала с Государственным музеем Армении. Здесь в этнографическом отделе за короткий срок (1931—1939) Евгения прошла путь от практикантки до старшего научного сотрудника, приобрела большой опыт музейной и полевой работы, собрала значительный этнографический материал.

Женя Гюзальян⁴ поступила работать в Государственный музей Армении в трудный и сложный для его истории период. В первое десятилетие своего существования музей был не столько научно-исследовательским центром, сколько средоточием, а нередко и местом складирования не только различного рода культурных и художественных ценностей, но и огромного количества не имеющих к ним отношения предметов. Здесь были собраны многочисленные этнографические и археологические материалы Тифлиского этнографического общества, часть коллекций Анийского музея, собрание древностей Лазаревского института, Нор Нахичеванское собрание материалов (рукописи, документы, личные архивы армянских деятелей культуры и литературы) известного историка и литератора Ерванда Шахазиза, музейные ценности Эчмиадзинского монастыря и т.п., а рядом — бессистемное множество отдельных предметов и приобретений в основном

Группа сотрудников Государственного исторического музея Армении.
Середина 30-х годов.

В первом ряду вторая справа — *Е.Т.Гюзальян*,
во втором ряду стоит справа зав. этнографическим
отделом музея *С.Д.Лисициан*

фабричного производства. Сложное положение в этнографическом отделе музея в тот период лучше всего характеризует С.Д.Лисициан, сменивший 1 ноября 1928 г. заведующего этим отделом известного армянского этнографа Ерванда Лалаяна: «Отдел я принял в хаотическом состоянии. В нем были собраны разнообразные предметы из самого различного рода источников, начиная от разных отделов Наркоматов и отделений милиции до Тифлисского этнографического общества. Здесь было более 350 штук разного вида оружия — разбитые фабричные ружья и сабли, пулеметы, обветшалые образцы конфискованных зангибасарских ковров, женские жилеты армянок-беженок из Западной (ныне Турецкой) Армении <...> и рядом с ними роскошные карабахские полотенца и т.п.»⁵. К приходу в музей Лисициана фонд этнографического отдела уже насчитывал около 1200 экспонатов.

Необходимо было срочно разобрать их, оставив только те, которые представляли музейную ценность и могли быть использованы для экспозиций и научных исследований. Эта работа тре-

бовала немало усилий и продолжалась несколько лет: с 1929 г. до середины 1931 г.⁶. В результате из 1200 предметов осталось около 350. Одновременно с отбором экспонатов проводились их инвентаризация и паспортизация, а также регистрация в новых инвентарных книгах.

Именно в это время, в июле 1931 г., в этнографическом отделе музея и появилась Женя Гюзальян, сразу ставшая помощницей и опорой Лисициана. На нее была возложена обязанность оформления инвентарных книг отдела. Как известно, регистрация музейных экспонатов и их паспортизация предполагают не только хорошее знание материала; эта кропотливая и тщательная работа требует внимания, усидчивости и аккуратности. Приступив к работе, Женя своим каллиграфическим, чуть мелким почерком заполняла инвентарные описи имеющихся экспонатов этнографического фонда и на каждый из них составляла более развернутые паспорта, где подробно указывались наименование, форма, размер, материал, а также время и место изготовления, способ применения, владелец, место и время приобретения. Работа эта была продолжена и в последующие годы по мере новых поступлений в отдел за счет приобретений (закупок), дарений, а главное — значительного экспедиционного материала. Всего за период пребывания в музее Женя Гюзальян зарегистрировала в инвентарных книгах и коллекционных описях 2570 этнографических экспонатов, сопроводив каждый из них паспортом, а также 122 этнографических рисунка и 600 фотографий видового и этнографического характера. Таким образом, через ее руки прошло около 3300 единиц хранения — вещевого, изобразительного и фотоиллюстративного этнографического материала. К счастью, эти первоначальные инвентарные книги (три тома большого формата) и коллекционные описи (два тома того же формата, из них первый целиком заполнен ею) дошли до наших дней и бережно хранятся в этнографическом отделе Государственного музея истории Армении⁷. Они не только являются официальным документом количественного учета и качественного содержания этнографического фонда в 20—30-е годы, но представляют собой по широте и разнообразию материалов уникальный и ценный этнографический источник, отражающий картину быта и всего уклада народной жизни того времени. К сожалению, этот источник незаслуженно обойден вниманием специалистов.

Итак, к середине 1931 г. фонд этнографического отдела музея был наконец сформирован, и, по определению Степана Даниловича, «период стихийного собирательства можно было считать завершенным. Этнографический отдел перешел к систематическому сбору материалов»⁸. Это было тем более неотложной зада-

чей, что в результате проделанной работы осталось «небольшое убогое собрание», ни одна из коллекций которого не была представлена полностью. Возникла настоятельная необходимость в кратчайший срок и всесторонне пополнить его. Не полагаясь на случайные приобретения и малочисленные закупки музея, Лисициан принял единственно правильное решение — собирать материал целенаправленно, организуя этнографические экспедиции во все регионы, причем не только в самой Армении, но и в армянские поселения за ее пределами. О широте охвата и интенсивности этой собирательско-организационной работы свидетельствует тот факт, что за период 1931—1938 гг. было осуществлено шесть экспедиций, неизменным участником которых была Женя. Под руководством опытного С.Д.Лисициана она прошла хорошую школу полевого этнографа, вместе с ним сполна разделив все тяготы и лишения экспедиционной жизни. Самое примечательное, что первоначально, в двух зангезурских экспедициях 1931 и 1932 гг., экспедиционный отряд состоял всего из трех человек — С.Д.Лисициана, Евгении Гюзальян и фотографа музея.

Зангезур в качестве первоочередного объекта исследования был выбран по нескольким веским причинам. Во-первых, в этом высокогорном, изолированном юго-восточном регионе Армении в большей мере сохранились остатки традиционного быта; во-вторых, после землетрясения 1931 г. в районе должны были начаться восстановительные работы, что грозило внести серьезные изменения в традиционный уклад жизни. Необходима была срочная фиксация старых форм быта⁹.

Именно поэтому спустя всего четыре месяца после землетрясения Лисициан, Гюзальян и фотограф Сурен Золян уже обследовали районы Гориса и Сисиана.

Экспедиция эта, длившаяся почти полтора месяца (с 30 августа по 11 октября 1931 г.), проходила в тяжелейшей обстановке, при отсутствии самых элементарных бытовых и санитарных условий. По признанию ее руководителя, ночевали они прямо на столах в исполкоме, в наспех сооруженных из фанеры и глины хибарах. Сложное положение в Зангезуре, пострадавшем от землетрясения, усугубляли наступившие холода и рано выпавший снег.

Жизнь участников экспедиции постоянно подвергалась опасности, поскольку в ряде глухих горных селений, особенно на дорогах и в ущельях, еще существовала реальная угроза нападения банд. Но даже в столь трудных и суровых условиях удалось наладить четкую работу экспедиции.

Вот как описывает сам Степан Данилович распределение обязанностей: «Ст. Лисициан — общее руководство; Евг.Гюзальян — помощник в приобретении экспонатов, фиксация этнографиче-

ских материалов и частично их самостоятельный сбор (эта экспедиция для нее одновременно и первая практика по сбору этнографического материала после летней полевой работы прошлого, 1930 г., которую она провела в течение 10 дней по своей инициативе в районе Камарлу [ныне г. Арташат. — Л.В.], изучая в этнографическом отношении женские проблемы). Тов. С.Зоян — фотографические работы при участии Евг.Гюзальян»¹⁰.

Материал, собранный Женей самостоятельно, — это сохранившиеся четыре листа бумаги, на которых своим бисерным почерком она сделала карандашом короткие записи, касающиеся ряда магических ритуалов (вызывание дождя во время засухи, прекращение дождя, лечение бесплодия, использование оберегов-талисманов от «сглаза» домашнего скота) и некоторых космогонических воззрений (о затмениях солнца и луны, происхождении молнии, грома, радуги и т.п.). Материал, собранный ею в селениях Горис, Брнакот, Хндзореск, Татев, Лцен и изложенный в виде кратких тезисов, даже в таком фрагментарном виде представляет несомненную ценность и вместе с тем демонстрирует круг ее научных интересов¹¹.

Несмотря на все сложности, обследование Зангезура было продолжено и в следующем, 1932 г. На этот раз Гюзальян совместно с Лисицианом и фотографом Погосом Григорьяном работали в районах Капана и Мегри.

В результате двух полевых сезонов был собран огромный вещевой и иллюстративный (фотоснимки, зарисовки) материал, отражающий своеобразие этого историко-этнографического региона Армении, его традиционный быт и элементы колхозного строительства, последствия землетрясения и т.д. Одних только экспонатов зангезурской коллекции рукой Жени Гюзальян зарегистрировано 250¹². Следует подчеркнуть, что, помимо полноты охвата привезенных материалов, зангезурская экспедиция явилась первым опытом полевой экспедиционной работы, призванной положить конец хаотическому состоянию этнографического фонда музея и ознаменовавшей ее качественно новый, планомерный и целенаправленный этап. Дирекция музея сочла целесообразным организовать отчетную выставку для всеобщей наглядной демонстрации результатов этого опыта.

Известно, насколько трудоемка и кропотлива подобная музейная работа, сколько отнимает времени и сил. На протяжении всего 1933 и частично 1934 гг. Женя Гюзальян вместе со всеми сотрудниками этнографического отдела была занята обработкой привезенных экспедиционных материалов и организацией на их основе постоянной экспозиции музея, освещающей старый «умирающий» и зарождающийся новый быт Зангезура. Объем

организационно-подготовительных работ был чрезвычайно широк и разнообразен: заказаны стеклянные витрины, манекены, макеты, собирались статистические сведения и оформлялась наглядная диаграмма, готовился этикетаж. Из фонда было отобрано более 270 этнографических фотографий и заказаны около 70 рисунков и картин, а также карта сельскохозяйственных поясов Зангезура, о чем свидетельствуют регистрационные записи в соответствующих инвентарных книгах, сделанные Женей. Для посетителей выставка открылась лишь в 1934 г. и, пользуясь большой популярностью, была продлена до середины 1937 г., когда из-за крайней ограниченности выставочной площади музея часть ее разделов пришлось закрыть для демонстрации временных тематических экспозиций.

Следуя намеченной программе и воодушевленные результатами Зангезурской экспедиции, сотрудники этнографического отдела продолжили собирательскую работу. Следующим объектом экспедиционного обследования дважды, в 1934 и 1935 гг., стал историко-этнографический регион Лори в северной части Армении — один из немногих в республике, где хозяйственная деятельность была связана с преобладавшим здесь лесным ландшафтом. В двух Лорийских экспедициях вместе с Лисицианом, Гюзальян и фотографом (в первой — Борис Совер, во второй — Гевонд Гукасян) участвовал и новый молодой сотрудник этнографического отдела музея Сурен Сааруни¹³.

Поскольку материалы Лорийской экспедиции наиболее полно отражают деятельность Жени, остановимся на них подробнее. Дело в том, что в фонде этнографического отдела сохранились не только полевые материалы, но и экспедиционный дневник 1934 г., от первой до последней страницы записанный самой Женей¹⁴. Дневник этот, не говоря уже о его научной значимости, — поистине бесценный документ, во многом заполняющий пробел в скудных сведениях о личности и деятельности безвременно ушедшей коллеги.

Сейчас уже трудно судить, почему руководитель экспедиции вел этот дневник не сам, а поручил его Жене. Возможно, что, учитывая полевой опыт предыдущей, Зангезурской, экспедиции, Степан Данилович уже мог доверить ей эту важную работу, так как сам был чрезмерно загружен. Так или иначе, но именно Женя ежедневно вела записи, начиная со дня отъезда экспедиции и до возвращения в Ереван (с 9 по 29 сентября 1934 г.). Из этих записей становятся ясными маршрут, цели экспедиции, подробности приобретения экспонатов и связанные с этим трудности, отношение местных властей, организационно-бытовые проблемы и т.п. Примечательно, что повествование ведется от

3-го лица (даже о себе самой) и часто с указанием лишь инициалов участников экспедиции.

В этом экспедиционном обследовании особое внимание предполагалось уделить традиционному народному жилищу и различным аспектам материальной культуры, а также новым явлениям, проникающим в село в связи с колхозным строительством. В связи с этой задачей приобретались традиционные сельскохозяйственные орудия, домашняя утварь и посуда, в особенности деревянная, комплексы народной одежды и украшений и т.п. Лисициан как руководитель решал на местах (через председателей сельсоветов и колхозов) проблемы ночлега, продовольствия, транспорта и т.п., вел переговоры с сельчанами в поисках экспонатов, занимался их закупкой. Сааруни постоянно помогал ему в приобретении предметов, выполнял множество различных поручений, а также регистрировал материалы о хозяйственной деятельности и сельскохозяйственных орудиях. Женя собирала материалы по традиционной одежде, украшениям, рукоделию, а кроме того, помогала фотографу¹⁵.

Нередко по вечерам они собирали группу стариков, записывали этнографические материалы, подробно расспрашивали об интересующих их экспонатах. Полученные сведения приходилось перепроверять, поскольку бывали случаи их недостоверности. Много времени было потрачено на поиски традиционного тяжелого двенадцатиупряжного «черного» плуга (*сев гутан*). Его искали во многих селах (Дсех, Марц, Лорут, Ахпат и др.), и бывало, что хозяева «черного» плуга, которым пахали еще года два тому назад, уже разобрали его на части. Лишь в самом конце экспедиции в с. Хачидур (ныне с. Дебет) удалось наконец найти 6—8-упряжный *сев гутан* и после неоднократных переговоров с хозяином приобрести его. За два дня до окончания экспедиции Женя записывает в дневнике: «Сурен Сааруни вернулся из села, привезя с собой деревянный плуг, колеса старой арбы и другие предметы»¹⁶. Были приобретены также борона, серп, грабли, вилы, молотильная доска и другие орудия, деревянная двухколесная арба, амбар для зерна, прялка, деревянная и медная посуда, детали головного убора и одежды и т.д. Всего из двух экспедиций было привезено 236 предметов, а также отдельная коллекция (32 предмета) в основном женской одежды и украшений из с. Шахназар, заселенного выходцами из Алашкерта (бывш. Западной Армении, входящей в состав Турции), отснято 355 негативов.

Однако поисками и закупкой экспонатов задачи экспедиции не ограничивались. Эти экспонаты надо было доставить в Ереван. Следует отметить, что транспортные проблемы были одним

из уязвимых мест практически во всех экспедициях. Как отмечал Лисициан, «во время этого обследования мы очень редко имели возможность пользоваться железной дорогой или автомашиной <...> большей частью передвигались на арбе, фургоне, а в основном на лошадях и пешком. В Лори, как и в Зангезуре, транспортные неудобства очень часто ставили нас в трудное и неприятное положение и поглощали много времени»¹⁷. Об этом неоднократно упоминает Женя Гюзальян на страницах дневника: «Прибыв на станцию Колагеран в 5 часов утра, погрузив наши вещи на лошадей, мы сами пешком по горной тропе поднялись в Дсех <...> потратили много времени, чтобы найти арбу; были сельчане, которые требовали за нее 100 руб. Наконец в 13.30 отправились на арбе и короткой дорогой около 17.30 прибыли в с. Лорут. Большую часть пути пришлось идти пешком <...> опять столкнулись с трудностями в получении транспортных средств. Все наши закупленные экспонаты погрузили на арбу, а сами пешком, взвалив наши личные вещи на лошадь, спустились в Колагеран»¹⁸. Степану Даниловичу приходилось нередко с большим трудом через местное руководство улаживать этот вопрос. Больше всего хлопот было с крупногабаритными экспонатами: транспорт в первую очередь был необходим для их доставки на ближайшую железнодорожную станцию, откуда их товарным вагоном отправляли в Ереван. Более мелкие экспонаты упаковывали в ящики и посылали по почте¹⁹. Наиболее наглядно одну из подобных сложных ситуаций Женя описывает в предпоследний день экспедиции в Ахпате. «В 11 часов все наши приобретенные вещи отправили на арбе в сопровождении тов. С.Сааруни на станцию Ахтала, чтобы сдать их железной дороге. Остальные участники экспедиции только после 13.30 смогли на лошадях отправиться в Алаверды <...> Из Алаверды председатель райисполкома по телефону поручил председателю сельсовета с. Узунлар (ныне с. Одзун. — *Л.В.*) прислать на станцию Санаин арбу или четырех лошадей, чтобы привезти участников экспедиции в село. Тов. Сурен Сааруни, сдав вещи железной дороге, из Ахталы добрался до Алаверды, где и присоединился к экспедиции. Прибыв на станцию Санаин, мы не нашли ни арбы, ни лошадей. Вынуждены были снова со станции телефонировать в с. Узунлар в поисках транспортных средств. Очень поздно, лишь после 9 часов вечера, на станцию прислали двух лошадей. Шел проливной дождь»²⁰. Картина более чем красноречивая. Не надо иметь много воображения, чтобы представить себе состояние четырех сотрудников музея, оставшихся в тот поздний промозглый осенний вечер в томительном ожидании на затерянной станции Санаин...

Со страниц дневника ясно проступают и бытовые сложности экспедиции. Буквально на второй день после ее начала Женя Гюзальян отмечает «трудности с продовольствием, особенно с приобретением хлеба», в последующие дни записывает: «Из-за отсутствия керосина надолго остались без света. После неприятных просьб получили лампу <...> из-за позднего возвращения председателя в село с большим трудом удалось наконец найти для нашего проживания более или менее подходящее место, собрать постельные принадлежности и создать сносные условия снабжения продовольствием»²¹. Но невзирая на все трудности, участники экспедиции продолжали упорно работать. На счету был не только каждый день, но и каждый час: уже начались холода и сезон затяжных дождей, ожидалась ранняя зима. В эти дни, как неоднократно отмечала Женя, «в деревнях днем и даже ночью бывало пустынно <...> Все крестьяне, особенно колхозники, выйдя в поле, основное внимание уделяют срочным посевам озимых, торопятся закончить работы в зимовниках, собрать урожай в своих садах и потому из-за своей занятости не могут посвятить нам короткие вечера, что очень замедляет сбор необходимых нам этнографических сведений»²².

Наряду со сбором музейных экспонатов важной задачей Лорийской, как и всех других экспедиций, была запись полевого этнографического материала. В те годы Степан Данилович неоднократно и настойчиво подчеркивал первоочередность этой задачи, имея в виду стремительную трансформацию всех областей традиционной народной культуры в условиях коренных социалистических преобразований. Полевые тетради содержат материал, собранный и Женей Гюзальян. Опыт предыдущей, Зангезурской экспедиции, а также работа в отделе музея с инвентарными книгами и коллекционными описями в значительной мере углубили и расширили ее этнографические познания. И если Зангезур был для нее своего рода «пробой пера», то спустя всего три года в Лори она собирала этнографический материал самостоятельно. В первую экспедицию 1934 г. Женей были сделаны записи (правда, несколько отрывочные и схематичные), в которых можно найти сведения по верованиям, в частности связанным с судьбой и роком, культурами очага (*тоныра*), огня, солнца, некоторыми птицами (голубем, ласточкой, удоном, вороной), по местным святыням²³. Довольно подробно описаны женская одежда и способ повязывания головы, а также похоронные обряды. В экспедицию 1935 г. был записан материал по родильной и, особенно обстоятельно, свадебной обрядности, праздникам годового календарного цикла.²⁴ Поскольку в задачу экспедиции входило также уточнение и дополнение этнографических сведений по дан-

ному региону, ранее собранных и опубликованных Ерв. Лалаяном²⁵, Женя Гюзальян обращала внимание на его сведения по традиционной семейной обрядности. Так, в с. Дсех она с группой старых женщин уточняла сведения о рождении детей и описания свадьбы, в Санаине вместе с Лисицианом проверила у пожилых женщин описание Лалаяном похоронной обрядности²⁶.

Об уникальности и ценности полевых этнографических материалов 1930-х годов говорить излишне. В полевых тетрадах Лорийской экспедиции примечательна подача материала: Лисициан и Гюзальян вели записи не каждый в своей тетради, а в одной общей, поочередно. Материал первой экспедиции — это семь ученических тетрадей объемом 47 листов, из которых 32 листа (первые 27 л. и последние 5 л.) написаны Лисицианом, остальные (л. 28—42) — Женей. Особенно примечательна одна тетрадь (15 л.) второй экспедиции, где представлен материал лишь по с. Кохб²⁷. Здесь между материалами Гюзальян о календарных праздниках и свадьбе на одном листе имеются сделанные Лисицианом запись и набросок рисунка местной святыни Сурб (Св.) Вардапет (л. 7 и 7об.). Но еще более интересны записи свадебной обрядности: подробно излагаемые Женей (с л. 8), они с половины текста, буквально с середины строки сменяются записями Лисициана, который и доводит их до конца (л. 11—13). Далее записи заканчивает Женя (материал по родильной обрядности), причем сделаны они карандашом, что встречается крайне редко. Чем вызвана столь резкая и неожиданная смена авторов записей, сейчас уже сказать невозможно.

И наконец, еще об одном интересном материале Лорийской экспедиции. В полевых тетрадах 1934 г. в конце записей Жени Гюзальян на пяти страницах представлен список из 85 пунктов. Как оказалось, это своеобразный подсчет всех экспедиционных расходов. Большая часть его записана Женей и лишь две страницы (л. 40об.—41) Лисицианом²⁸.

Среди всех перечисленных пунктов можно выделить две основные статьи расходов: 1. Оплата экспонатов. 2. Организационно-бытовые и транспортные.

Прежде всего отметим, что этот список дает четкую картину всех приобретенных экспонатов, от уже упоминавшихся крупногабаритных сельскохозяйственных орудий до мелких украшений и амулетов. Но самым примечательным здесь является форма оплаты. Дело в том, что правая сторона этого списка состоит из пяти небольших граф, озаглавленных: «бязь широкая», «бязь узкая», «ахлук» (головной платок), «ситец», «деньги» (рубли); в каждой строке против указанного слева наименования предмета в соответствующих графах проставлены цифры. Выясняется, что

с хозяевами закупаемых экспонатов участники экспедиции расплачивались не только деньгами, но и мануфактурой. Учитывая социально-экономические и бытовые сложности сельской жизни того времени, можно полагать, что во многих случаях сельчане были заинтересованы в мануфактуре даже больше, чем в деньгах: в графе «деньги» против наименований многих экспонатов стоит прочерк. Примечательно, что в каждом конкретном случае размер оплаты мог варьировать, включая в себя как различные виды товаров, так и денежный вариант. Для наглядности приведем несколько примеров. Самым дорогим приобретением Лорийской экспедиции оказался тот самый с трудом разысканный деревянный «черный» плуг: его хозяину было уплачено 15 аршин бязи, 2 ахлуха и 20 руб. деньгами. Для сравнения: плужная цепь обошлась в 1 ахлух и 10 руб., медный поднос — в 3 аршина ситца, серебряные украшения — в 2 аршина широкой бязи и 2 аршина узкой и т.п.

Другую часть расходов, причем только деньгами, составляли экспедиционно-бытовое обеспечение и транспортные средства. Сюда входили стоимость железнодорожных билетов из Еревана и обратно, оплата комнат сельчанам, в домах которых проживали члены экспедиции, оплата лошадей, арбы, изготовления ящиков — для транспортировки экспонатов и т.д.²⁹ Даже подобный финансовый документ может служить своеобразным и ценным этнографическим источником, отражающим специфику жизни и быта той эпохи, в данном случае армянского села середины 1930 годов.

По завершении полевого сезона 1934—1935 гг. участники экспедиции в первом квартале 1936 г. наряду с обработкой привезенных экспонатов и текущей музейной работой были заняты разработкой плана этнографической экспозиции Лорийского региона. «Распределение обязанностей предполагается следующее. С.Д.Лисициан — Географические условия. История. Поселения и жилища. Общественная жизнь. Верования; Евг.Гюзальян — Домашние занятия. Традиционная одежда. Обработка шерсти (ткачество, ковроткачество и пр.). Семейная жизнь; С.Сааруни — Земледелие и скотоводство, охота, рыболовство, пчеловодство. Деревообработка. Гончарство. Средства передвижения»³⁰. Позже, из-за чрезмерно уплотненного графика, работа эта была перенесена на последний квартал.

Для самой Жени Гюзальян период 1934—1935 гг., судя по сохранившимся материалам, можно считать «урожайным». Помимо того, что она активно работала в Лорийских экспедициях, ею был записан довольно обширный материал по традиционной армянской одежде, бытовавшей в различных историко-этнографиче-

ских регионах как самой Армении (Мегри), так и за ее пределами — ахалцихских армян Грузии, акулисских армян Нахичеванского края, армян из Тавриза (Иран), ряда районов бывшей Западной Армении — Шатаха, Трапезунда, Тимара, а также армяноязычных удийцев (удин) с. Варташен Азербайджана. Эти записи представляют собой восемь ученических тетрадей объемом в 93 листа, где Женей подробно описаны мужские и женские комплексы традиционной одежды каждого из указанных регионов, начиная от нижней рубашки и штанов до локальных разновидностей верхней одежды и обуви; представлены мужские и в особенности женские головные уборы, девичьи и женские прически, детально описаны способы повязывания головы замужними женщинами, украшения. При описании отдельных деталей одежды указаны местное диалектное наименование, покрой, ткань, цветовая гамма, расположение орнамента и т.п. По ходу изложения рукой Жени сделаны многочисленные чертежи кроя и рисунки отдельных деталей. Они не только способствуют более четкой и наглядной подаче материала, но и значительно дополняют и обогащают его.

В собранном Женей Гюзальян материале особое место занимают персидский и западноармянский комплексы, описание которых получено от армян-беженцев. В этом отношении примечательны краткие сведения об информаторах. В первом случае это Петросян Зардар, 60 лет, из с. Махлух (ок. Салмасты). В 1916 г. эмигрировала в Багдад, откуда прибыла в Ереван; во втором случае материал записан от Сарксян Нубар, 60 лет, беженки из Тимара в 1914 г.³¹. Проблема беженцев, после геноцида 1915 г. и последствий Первой мировой войны, впервые поднятая Лисицианом, занимала важное место в исследованиях этнографического отдела музея. Дело в том, что сложный этап социалистического строительства совпал с массовым переселением зарубежных армян из Турции, ряда европейских (Франция и др.) и арабских (Египет, Сирия, Ливан) стран на территорию Советской Армении.

И хотя эта часть армянского этноса переселялась на свою историческую родину и в свою этническую среду, однако социально-политическая и культурно-бытовая дистанция между исходной средой армянских вилайетов в Турции и условиями проживания в Советской Армении была очень велика. Поэтому сбор и фиксацию материала среди армян-беженцев, еще не успевших ассимилироваться и сохраняющих свою этнографическую специфику, Степан Данилович считал первоочередной и безотлагательной задачей. Не случайно в планах этнографического отдела музея в 30-е годы постоянно отдельным пунктом значился сбор

подобного материала среди беженцев, компактно проживающих в Арабкире, Малатии, Себастии, Бутании — тогдашних пригородах, ныне районах Еревана, а также в других местах³².

Характеризуя активную деятельность Жени Гюзальян, отметим, что тогда же, зимой 1934—1935 гг., она была на два месяца (с 15 декабря 1934 г. по 15 февраля 1935 г.) командирована в Москву и Ленинград, а ранее — в мае 1932 г. — также в Ленинград, как указано в приказе, «для участия в этнографическом съезде» (речь идет о Всероссийском археолого-этнографическом совещании 7—11 мая 1932 г. —Л.В.)³³. За четыре неполных года работы в отделе она, таким образом, дважды смогла побывать в российских научных центрах. Факт этот примечательный не только в короткой научной биографии Жени, но и в истории самого Государственного исторического музея Армении, руководство которого стремилось при более чем скромных финансовых возможностях всеми мерами способствовать профессиональному росту своих научных кадров.

Следующую экспедицию, в сезон 1936—1937 гг., отдел посвятил сбору этнографического материала среди армян, «столетие назад после похода Паскевича» переселившихся из Высокой Армении, в частности из Карина (бывш. Западной Армении) в регион Ширака с центром в Ленинакане (ныне Гюмри) и историко-этнографический район Джавахка (ныне Ахалкалакский и Ахалцихский районы Грузии). Работу решено было начать именно с этих более отсталых, чем Ширак, районов, а на следующий год дополнить ее исследованиями в районе Ленинакана, Артика, Амасии³⁴.

В этой экспедиции вместе с Женей Гюзальян участвовали все члены предыдущей Лорийской экспедиции. Для облегчения приобретения экспонатов и в этот раз взяли с собой мануфактуру (бязь) и, наученные прошлым опытом, также и фотооборудование для съемок внутри помещений.

Поскольку намеченные для обследования Ахалкалакский и Ахалцихский районы являлись пограничными, дирекция музея обратилась с официальным письмом к начальнику пограничной воинской части с просьбой дать соответствующее разрешение на проведение в этих районах в июле—сентябре 1936 г. научных работ по этнографическому и археологическому обследованию и на сбор музейных экспонатов участникам экспедиции — Степану Даниловичу Лисициану, научным сотрудникам Евгению Тиграновне Гюзальян и Сурену Ваграмовичу Сааруни-Тарламазяну, а также фотографу Гевонду Гукасяну³⁵.

Экспедиция, состоявшаяся с 8 июля по 18 августа 1936 г., собрала огромную коллекцию — 250 различного рода экспонатов,

более 260 фотоснимков и богатый полевой материал. К счастью, эти полевые тетради и дневник экспедиции сохранились. Однако распределение записей в Ахалкалакской экспедиции было несколько иным: подавляющее их большинство сделано Лисицианом и очень немного Женей Гюзальян; на этот раз в ведении дневника она участия не принимала: ее записей нет.

Практически весь довольно обширный по объему дневник (2,5 ученической тетради в 30 листов) вел сам Степан Данилович, поэтому и характер записей в нем отличается от записей дневника Лорийской экспедиции. Лисициан уделял внимание не только и не столько фиксации проделанной за день работы, а часто излагал свои научные наблюдения, размышления и даже некоторые предварительные заключения. В отличие от лаконичных записей Жени в Лорийском дневнике, на страницах дневника Ахалкалакской экспедиции нередки описания (иногда довольно подробные) географического положения, общего вида, планировки сел, путевые заметки, встречающиеся по дороге достопримечательности и др. Отметим, что Сурену Сааруни принадлежат в нем несколько страниц (л. 3об.—8).

Полевой материал Ахалкалакской экспедиции 1936 г. весьма внушителен. Это 10 ученических тетрадей (92 листа). Рукой Лисициана они пронумерованы и озаглавлены по названию сел, где был собран материал³⁶. Рукой Жени записаны всего 3,5 листа. Это материал о родильной обрядности и связанных с нею суевериях, собранный в сел. Карцах, Сулда и Гюмбурда³⁷ и свидетельствующий о том, что и здесь она продолжала изучать семейную обрядность армян. В дневнике Ахалкалакской экспедиции есть упоминания о том, что Женя записывала также сведения об отдельных видах кустарных промыслов, связанных, в частности, с изготовлением деталей традиционного женского комплекса одежды армян Карина. Однако записей этих обнаружить, к сожалению, не удалось, — факт досадный и не совсем понятный, если учесть, что в данной экспедиции особое внимание придавалось изучению именно кустарных промыслов и ремесел. Дело в том, что в этом регионе долгое время сохранялись традиции высоко развитых и широко известных кустарных промыслов Карина и Эрзерума, выходцами оттуда и являлись ахалкалакские и ахалцихские армяне. Лисициан подчеркивал, что Ахалцха (армянская форма названия Ахалцих) — «это то место в Закавказье, где представлены все разновидности старых промыслов. В Тифлисе они давно исчезли. Наша цель — записать трудовой процесс мастеров, приобрести полную коллекцию инструментов и собрать материал о социальных формах амкарств (ремесленных организаций. — Л.В.)»³⁸. Из дневника ясно, что сбором и записью

Ахалкалакская экспедиция 1936 г.
Сидит справа — *Е.Т.Гюзальян*; впереди — *С.Д.Лисициан*

подобного рода материалов занимались все члены экспедиции, в результате чего был собран материал по ювелирному, оружейному делу, гончарству, различным видам ткачества, прядению, обработке козьей шерсти, изготовлению чубуков (курительных трубок) и пр. Однако при всем обилии полевого материала Ахалкалакской экспедиции, записанного в подавляющем большинстве самим Лисицианом³⁹, представлены лишь гончарство (с. Карцах), ювелирное дело и изготовление чубуков (Ахалцха); записей на эту тему, сделанных Женей Гюзальян и Суреном Сааруни, в них нет. Остается надеяться, что дальнейшие архивные поиски смогут помочь прояснению данного вопроса.

Тем не менее собранные Ахалкалакской экспедицией сведения довольно четко отражают состояние в середине 30-х годов в этом регионе некогда прославленных кустарных промыслов и ремесел, которые, к сожалению, не выдерживали конкуренции с фабричным производством не только в отдаленных уголках края, но даже в самом центре, Ахалцхе⁴⁰. Именно поэтому участникам

экспедиции стоило больших трудов не только собрать полевой материал, но разыскать и приобрести соответствующие коллекции инструментов, в частности ювелиров и оружейников, о чем свидетельствуют записи Жени в коллекционных описях этнографического отдела.

Приобретение экспонатов, как и в предыдущие годы, составляло одну из основных задач Ахалкалакской экспедиции 1936 г., причем здесь работа в этом направлении также предусматривала приобретение не отдельных предметов, а тематических коллекций. В дневнике экспедиции об этом немало указаний. Сразу же по приезде в Ахалкалак «начали систематический сбор медной посуды <...> С.Лисициан, Женя Гюзальян и Сурен Сааруни смогли в с. Чамдура приобрести почти все сельскохозяйственные орудия и домашние глиняные принадлежности»⁴¹.

Следует отметить, что Ахалкалакская экспедиция имела свои специфические сложности. Во-первых, на ее работу накладывал отпечаток пограничный статус обследуемых районов. В каждом селении участники экспедиции обязаны были регистрироваться и получать разрешение на фотосъемку «как окрестностей, так и подробностей быта, однако с условием ничего не снимать по ту сторону турецкой границы»⁴².

Во-вторых, этнографическая работа на территории другой республики среди армян, проживавших в иноэтническом (грузинском) окружении, требовала большой осторожности и такта. Так, в связи с просьбой женщин с. Гандза открыть их церковь и восстановить службу Лисициан в дневнике отмечает: «Мы, конечно, в срочном порядке сразу пресекли подобные обращения, разъяснив, что наша работа никак не связана с открытием и закрытием церквей, тем более в пределах Грузии»⁴³. Несмотря на усиленную атеистическую пропаганду тех лет, в большинстве сел жители продолжали придерживаться своих религиозных убеждений и нередко проявляли открытое недовольство. Наиболее показательным подробно описанным в дневнике инцидент в с. Цухрут, где Женя Гюзальян и другие участники экспедиции едва избежали нападения женщин с камнями и дубинками в руках, которые были разгневаны слухами о том, что они намерены увезти из села в Ереван «чудотворное» рукописное Евангелие IX в.⁴⁴. И если в Зангезурской экспедиции они рисковали жизнью из-за угрозы нападения банд, то в Ахалкалакской едва не стали жертвами религиозного фанатизма. Этот случай хотя и единичный, но тем не менее весьма показательный.

Что касается организационно-бытовых проблем, то в этом плане здесь было несколько легче. В Ахалкалаке и Ахалцхе они ночевали в гостинице, между двумя этими райцентрами курси-

ровал рейсовый автобус. Из села в село нередко ездили на фургоне или фаэтоне, и потому в дневнике Ахалкалакской экспедиции нет упоминаний о многочасовых изнурительных переходах (пеших или на лошадях). В последний день экспедиции Женя вместе с остальными весь день упаковывала экспонаты, причем для крупногабаритных предметов (детской колыбели, больших медных подносов, глиняных карасов) заранее были заказаны специальные ящики. Часть экспонатов и ящик с фотоматериалами отослали по почте, остальные вещи машиной переправили в Боржоми, где их встретил выехавший туда Степан Данилович и с железнодорожной станции дальше багажом отправил в Ереван; сам он вернулся в Ереван через Тифлис. Остальные участники экспедиции из Ахалцхи через Ахалкалак добрались на машине до Лениакана и оттуда на следующий день, 20 августа 1936 г., прибыли в Ереван⁴⁵, еще не предполагая, что их там ожидает. В этот же день был арестован Сурен Сааруни.

В следующем, 1937 г. в производственном плане этнографического отдела Государственного исторического музея Армении было намечено пополнить коллекции в Ахалцхе и организовать экспедицию в Лениакан для завершения исследования быта армян — выходцев из Карина. К сожалению, эта экспедиция так и не состоялась ни в 1937 г., ни в следующем, 1938 г. Сейчас уже трудно однозначно судить, что явилось тому причиной: общая напряженная обстановка 1937 г., арест С.Сааруни, отсутствие финансирования⁴⁶ или другие причины. Так или иначе, именно на один, 1937 г., прервалась полевая работа отдела.

В 1938 г. была организована экспедиция в район Севанского бассейна в Нор Баязет (ныне Гавар), Мартуни и Басаргечар (ныне Варденис). К сожалению, ни дневника экспедиции, ни ее полевых материалов пока обнаружить не удалось. Однако достоверно известно, что вместе с Лисицианом и Гюзаян в ней принимала участие хранитель этнографического фонда Дшхуи Саркисян. В описях отдела рукой Жени зарегистрирован 221 экспонат, привезенный из этой экспедиции, — коллекции сельскохозяйственных орудий, глиняной посуды, домашней утвари, детали традиционной одежды, украшения-обереги от глаза домашнего скота и т.п., а также 362 фотоснимка. Сохранилась также копия официального обращения (№ 113 от 9.IX.1938) директора музея на имя председателя Совнаркома Армянской ССР с просьбой выдать соответствующее письменное распоряжение местным органам власти об оказании экспедиции необходимой помощи⁴⁷.

Таким образом, всего за несколько лет целенаправленной и интенсивной экспедиционной работы фонд этнографического от-

дела значительно расширился и пополнился огромным количеством вещевого и иллюстративного материала.

На 1 января 1938 г. фонды отдела насчитывали более 5200 экспонатов, 1310 негативов, 566 фотоснимков и 48 рисунков⁴⁸. На протяжении всех этих лет в отделе шла ежедневная кропотливая работа по их изучению, научному описанию и паспортизации, в которой принимали участие все сотрудники отдела и в первую очередь — Женя Гюзальян.

В 1937 г. паспортизацию предполагалось закончить, но завершилась она через год, в 1938 г. В результате усилий небольшого коллектива сотрудников фонд этнографического отдела Государственного исторического музея Армении по полноте и широте охвата коллекций, высокому уровню их систематизации к концу 30-х годов не уступал фондам других музеев подобного профиля. В этом огромная заслуга Жени Гюзальян, через руки которой прошло множество разнообразных материалов.

Круг научно-исследовательских интересов Жени определялся довольно четко: он в основном был связан с женской тематикой, в частности с традиционной одеждой и рукоделием. В производственных планах этнографического отдела в середине 30-х годов буквально ежегодно отдельным пунктом значится их научное описание и изучение. Так, по плану 1937 г. предусматривалось «составление альбома армянского рукоделия (исполнитель Ж.Гюзальян)», по плану 1938 г. — описание 75 образцов⁴⁹.

Рукодельное мастерство армянских женщин с его давними и богатыми традициями имело широкое распространение. Будучи неотъемлемой частью традиционной армянской культуры и быта (девочек обучали с детских лет), оно нередко достигало исполнительского и художественного совершенства. Расшивка элементов традиционной одежды (в западноармянских комплексах — в особенности золотошвейное мастерство), головных покрывал, скатертей, полотенец, вывязывание красочных сложноорнаментированных носков, изготовление иглой тончайших кружев и т.п. имели свою специфику в различных историко-этнографических регионах Армении. Их изучение было связано с исследованием различных видов и приемов техники исполнения, в особенности орнаментального искусства, его цветовой гаммы, стиля, символики, семантики, особенностей народного художественного эстетического вкуса и т.п. Коллекции этнографического отдела музея постепенно пополнялись, и их изучением в основном занималась старший научный сотрудник Женя Гюзальян. Не случайно ею же был собран и значительный материал по традиционной одежде.

Именно как специалист в этой области она проделала основную работу при организации тематической выставки по рукоде-

лию, открывшейся в музее одновременно с выставкой ювелирного дела в середине 1937 г. «Здесь были представлены образцы армянского рукоделия, и городского, и сельского, из самых различных регионов — Зангезура, Мегри, Акулиса, Карабаха, Лори, Апарана, Ленинакана-Ахалкалака, Арабкира, Кесарии и др.»⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что если в первой половине 30-х годов, в период своей организационно-собирательской деятельности, этнографический отдел музея выступал в основном с экспедиционно-отчетными выставками (Зангезур, Лори), то со второй половины, после создания этнографического фонда и завершения обработки и паспортизации, в его экспозиционной работе все большее место стали занимать тематические выставки. Среди них кроме уже указанных были выставки оружия, народных музыкальных инструментов, совместная с Городским музеем Еревана выставка, посвященная быту Эриванского ханства XVII—XVIII вв. Отдел участвовал (предоставлением ряда экспонатов) в большой выставке по искусству Ирана, развернутой в Эрмитаже (1935 г.)⁵¹, обновил статистические данные и диаграммы по состоянию на 1 января 1937 г. на Зангезурской выставке, открытой, как уже отмечалось, еще в 1934 г.

В эти же годы этнографический отдел принял активное участие в общемузейных выставках. В 1935 г. в Государственном историческом музее Армении открылась большая экспозиция, посвященная 15-летию советской власти в республике; в 1939 г. к 20-летию этой даты начали готовить еще одну значительную юбилейную выставку. И Женя Гюзальян, как активный сотрудник отдела⁵², естественно, не могла оставаться в стороне от этой напряженной музейной работы.

Однако самым большим достижением экспозиционно-выставочной работы Государственного исторического музея Армении стала выставка, посвященная 1000-летию армянского эпоса «Давид Сасунский», юбилей которого широко отмечался на всесоюзном уровне в 1939 г. Проводившаяся в рамках народных торжеств, она «по своей величине превзошла все выставки, организованные когда-либо до этого в Армении»⁵³. Эта выставка удостоилась высокой оценки не только научной общественности, но и прессы. По воспоминаниям М.К.Казарян, значительное участие Жени в организации выставки было отмечено в одной из центральных газет Армении.

По роковому стечению обстоятельств именно в день выхода газетной статьи Евгения Тиграновна Гюзальян была арестована.

В Ереване Женя жила с семьей своей старшей сестры Назик, учительницы русского языка и литературы, ее мужем и маленькой дочкой. В этом доме 15 сентября 1939 г. Женю Гюзальян аре-

ставали вместе с ее зятем (мужем сестры) Каро Казаряном⁵⁴. Вскоре были арестованы родственник зятя Мелкон Григорян⁵⁵ и близкая подруга Жени Рипсимэ Кюркчян (инженер по образованию, работавшая на табачной фабрике). Все четверо были обвинены в том, что, собираясь на квартире Казаряна, где жила Женя, «вели явно антисоветские, враждебные, контрреволюционные разговоры в отношении отдельных мероприятий Партии и Правительства». Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда Армянской ССР по ст. 67 ч. 1 УК Арм. ССР (антисоветская пропаганда) приговорила К.Н.Казаряна и Е.Т.Гюзальян к 10 годам заключения в лагерях и 5 годам поражения в правах, Григоряна М.Е. и Кюркчян Р.М. — к 8 годам заключения в лагерях и 4 годам поражения в правах⁵⁶. Григорян и Кюркчян, отбыв сроки полностью, вернулись домой. Казарян, отбывавший срок в Дамбуле, в апреле 1943 г. был освобожден досрочно по состоянию здоровья. И лишь судьба Евгении Гюзальян, по этапу сосланной вместе со своей подругой в Караганду, сложилась трагически: как указано в материалах следственного дела, она «скончалась в заключении»⁵⁷, при этом диагноз не приведен. Впоследствии от Рипсимэ Кюркчян родным стало известно, что в лагере у Жени начался менингит и она умерла осенью 1941 г.

При пересмотре следственного дела в 1954 г. обвинения в отношении всех четверых были признаны необоснованными, приговор был отменен и дело производством прекращено из-за отсутствия в их действиях состава преступления. Все они были реабилитированы, но Евгения Гюзальян — увы! — уже посмертно⁵⁸.

К сожалению, трагическая судьба не обошла стороной и остальных детей семьи Гюзальян. В драматической истории этой семьи как в капле воды отразилась эпоха страшного, «расстрельного» времени, известного в народе как «37-й год». Первой жертвой стал старший из братьев, Рубен (1898—1937). Участник гражданской войны, он увлекался астрономией, писал стихи, хорошо играл на фортепиано⁵⁹. Под влиянием дружившего с ним известного грузинского революционера Михаила Цхакая (одно время он скрывался в доме Гюзальянов в Тифлисе) Рубен пошел работать в НКВД и был расстрелян в 1937 г. В 1938 г. был осужден на 8 лет лагерей младший брат Левон (1900—1995), связавший свою судьбу с Ленинградом и прямо из Эрмитажа высланный в Соликамск. Отбыв срок, он со временем вернулся в Эрмитаж, где долгие годы проработал в отделе Востока. Старшая из детей, Назик (1897—1983), начиная с 1939 г. на протяжении многих лет несла тяжкий крест жены осужденного⁶⁰. В том же, 1939 г. была сослана, а в 1941 г. ушла в небытие младшая, Евге-

ния, не успев раскрыться как ученый и проявить себя в полной мере как исследователь-этнограф.

Мог ли предположить заведующий этнографическим отделом С.Д.Лисициан, в те годы постоянно и настойчиво указывавший на отсутствие в Армении этнографических кадров, что из двух специалистов-этнографов, которые работали тогда в Государственном историческом музее, останется лишь он один, уже переживший к тому времени 70-летний рубеж. Жене Гюзальян не было и сорока лет.

¹ Название музея, созданного в августе 1921 г., несколько раз менялось: в 1921—1935 г. — Культурно-исторический музей, в 1935—1962 г. — Государственный исторический музей Армении, ныне Государственный музей истории Армении (ГМИА).

² Подробно о жизни и деятельности ученого см.: *Варданян Л.М.* Степан Данилович Лисициан (1865—1947 гг.). — СЭ. 1986, № 6, с. 59—69.

³ АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 16, 17.

⁴ Евгению в музее обычно называли просто Женя — возможно, чтобы различать с Евгением Арутюновичем Байбуртяном (1898—1941) — известным армянским археологом, работавшим в эти же годы в музее, впоследствии также ставшим жертвой сталинских репрессий.

⁵ *Лисициан С.Д.* Секретарю ЦК КП(б) Армении С.К.Карапetyану. — Центральный Государственный исторический архив РА (ЦГИА РА), ф. 428, оп. 4, д. 308, л. 2 об. Здесь и далее все документы на армянском языке приводятся в переводе автора статьи. Подробно о положении дел в музее в этот период см.: *Варданян Л.М.* У истоков этнографического музееведения в Армении. — ЭО. 1997, № 2, с. 132—138.

⁶ Подчеркнем, что согласно штатному расписанию в Культурно-историческом музее Армении в 1929 г. было всего 9 сотрудников, причем трое из них — технический персонал. В этнографическом отделе вплоть до середины 1931 г. на должность помощника заведующего отделом приглашались временные сотрудники, лишь с середины 1931 г. была утверждена постоянная штатная должность старшего научного сотрудника, на которую была назначена Женя Гюзальян, а с 1934 г. — и младшего научного сотрудника. — АГМИА, ф. 1, оп. 3, д. 2, л. 1; *Лисициан С.Д.* Исторический очерк. — Фонд письменных источников этнографического отдела ГМИА (далее — Фонд этнографического отдела), оп. 1, д. 106, л. 12.

⁷ В настоящее время пользуются инвентарными книгами и описями, заново переписанными в середине 1950-х годов.

⁸ *Лисициан С.Д.* Исторический очерк, л. 21.

⁹ *Лисициан С.Д.* Зангезур. Научный отчет об экспедиции. — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 129, л. 2—2 об.

¹⁰ Там же, л. 3.

¹¹ Материал хранится в личном архиве М.К.Казарян.

¹² Материал, записанный С.Д.Лисицианом в этой экспедиции, был столь обширен и полон, что в дальнейшем послужил основой для одной из его фундаментальных монографий: *Лисициан С.Д.* Армяне Зангезура. Ер., 1969 (на арм. яз.).

¹³ Сведения о С.Сааруни более чем отрывочны, вследствие чего пока не удалось установить ни его происхождения, ни образования и специальности. Сааруни-Тарламазян Сурен Ваграмович, 1911 г. рожд., был принят в этнографиче-

ский отдел Культурно-исторического музея на должность научного сотрудника 4 мая 1934 г. (АГМИА, ф. 1, оп. 3, л. 62 об.). На протяжении трех лет (1934—1936) участвовал в работе отдела, в том числе в двух Лорийских и Ахалкалакской экспедициях. В мае 1934 г. был избран в инициативную группу (вместе с председателем профкома Т.Калантарян и С.Д.Лисицианом) для изучения предложений коллектива и составления плана работ профкома. В отчетном докладе председателя профкома за 1935—1937 гг. говорится: «К сожалению, мы не смогли выявить в нашем коллективе работающего в наших рядах контрреволюционера Сааруни» (АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 2). Сурен Сааруни был арестован 20 августа 1936 г. в день возвращения из Ахалкалакской экспедиции и на следующий день уволен из музея (там же, ф. 1, оп. 3, д. 6, л. 22). Из материалов следственного дела выясняется, что он проходил в группе из 6 человек, осужденных по ст. 67 и 68 УК Арм. ССР в декабре 1936 г. Из них четверо — Камсаракан Карен, научный сотрудник художественного отдела музея, осужденный на 6 лет, Агбалиян Мушег, Варданян Иосиф, Иоанесян-Овакимян Левон, осужденные на 4 года, в декабре того же, 1936 г. были этапированы в Ташкент. В отношении Сааруни Сурена, а также Кананяна Артака подобные данные не приводятся. При пересмотре дела в 1954 г. указано: «Сведениями о судимости и местонахождении Сааруни-Тарламазяна Сурена Ваграмовича, осужденного в 1936 г. на 2 года, не располагаем». — Центральный Государственный архив новейшей истории РА (далее — ЦГАНИ РА). Следственное дело С.Сааруни, ф. 571, оп. 5, д. 241, л. 9—11. Сааруни был реабилитирован в 1991 г. См.: Манукян А.С. Политические репрессии в Армении 1920—1953 гг. Ер., 1999, с. 106 (на арм. яз.).

¹⁴ Дневник состоит из 19 листов текста, записанного в трех ученических тетрадях.

¹⁵ Лори 1934. Дневник экспедиции (далее — Дневник Лорийской экспедиции). — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 121, л. 3.

¹⁶ Там же, л. 17.

¹⁷ Лисициан С.Д. Отчет об экспедициях 1934—1935 гг. — АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 3.

¹⁸ Дневник Лорийской экспедиции, л. 1 об., 11, 12 об.

¹⁹ Отметим, что значительный груз составляли специальные стеклянные пластины, на которых в те годы печатались негативы.

²⁰ Там же, л. 17 об.—18.

²¹ Там же, л. 3 об., 14 об.—15, 16 об.

²² Там же, л. 16 об., 17, 18. Отметим, что именно это обстоятельство, а также непрекращающиеся дожди вынудили участников экспедиции прервать ее и продолжить на следующий год.

²³ Примечательно, что в Дневнике (л. 17) имеется запись, что этот материал собирался ею по этнографическому «Вопроснику». Речь идет об «Этнографическом вопроснике» С.Д.Лисициана, тогда еще не изданном. В архиве ученого нам удалось найти рукопись его окончательного варианта, датированную 1933 г. (ЦГИА РА, ф. 428, оп. 2, д. 86, л. 1—266). Вышел он в свет в конце 1946 г., за два месяца до кончины автора. Это первое и до сих пор единственное методическое пособие советского периода для стационарной записи материалов, имеющее непреходящее теоретическое и практическое значение для многих поколений армянских этнографов, в том числе и в настоящее время. См.: Лисициан С.Д. Этнографический вопросник. Ер., 1946 (на арм. яз.).

²⁴ Лори (полевые тетради) 1934 и 1935 гг. — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 120, л. 5—7, 28—39; д. 107, л. 1—15. Попутно отметим, что С.Д.Лисицианом был собран материал как по традиционной культуре (народное жилище, календарные праздники, места богомолья и т.д.), так и по современной колхозной жизни (количество хозяйств, поголовье скота, основные направления дея-

тельность, распределение и оплата трудодней и т.п.). Сурен Сааруни в этой экспедиции записей не вел.

²⁵ *Лалаян Ерв.* Борчалу. — Этнографический журнал. Т. 2. Тифлис, 1898 (на арм. яз.).

²⁶ Дневник Лорийской экспедиции, л. 9, 10, 16.

²⁷ Других материалов этой экспедиции обнаружить не удалось; она была вдвое продолжительней, чем предыдущая, и охватывала более десяти селений: Шаали, Степанаван, Вардаблур Калинино (ныне г. Ташир), Шахназар, Леджан, Ягдан, Узунлар (ныне Одзун), Кохб, Коты, а также Севкар и Иджеван прилегающего историко-этнографического района Тауш.

²⁸ Дневник Лорийской экспедиции, л. 40—42 об.

²⁹ Там же.

³⁰ АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 383, л. 1.

³¹ *Гюзаян Е.Т.* Традиционная одежда персидской армянки, л. 5; Традиционная женская одежда Тимара (бывш. Западная Армения. — *Л.В.*), л. 1 (рукопись на арм. яз.). Материал хранится в личном архиве М.К.Казарян.

³² С.Д.Лисициан в 1920—1930 гг. составил до сих пор остающиеся в рукописи подробные этнографические описания ряда историко-этнографических регионов бывшей Западной Армении — Шатаха, Сасуна, Мокса, Алашкерта, а также собрал материал по традиционному народному жилищу Вана, Буланыха, Харберда, Рштуника и др.

³³ АГМИА, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 31, 70.

³⁴ *Лисициан С.Д.* Исторический очерк, л. 24.

³⁵ АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 10.

³⁶ Это селения Карсах, Сулда, Дилиф, Гюмбурда, Пока, Цухрут, Гандза, Цхалтбила, г. Ахалцха. — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 108—118.

³⁷ Там же, д. 110, тетр. 2, л. 13—16.

³⁸ Дневник Ахалкалакской экспедиции, 1936 г., Ахалкалакский район (далее — Дневник Ахалкалакской экспедиции) — Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 119, тетр. 3, л. 4 об.

³⁹ Материал охватывает все основные аспекты традиционной материальной и духовной культуры, социальных отношений, а также новых черт быта. Здесь имеются описания сельскохозяйственных орудий, форм землепользования, хозяйственной взаимопомощи, поселений, традиционного жилища и его утвари, мер веса, традиционной одежды, календарных праздников, свадебной обрядности, внутрисемейных отношений, имущественного права, мест богомолья, ряда магических приемов, а также довольно редкий для записей С.Д.Лисициана фольклорный образец — эпическое сказание об отце Кероглы. Кроме того, Сурен Сааруни очень обстоятельно и подробно (9 ученических тетрадей объемом в 100 листов) записал сказание «Вард и Манушак» (Фонд этнографического отдела, оп. 1, д. 189).

⁴⁰ Дневник Ахалкалакской экспедиции, тетр. 2, л. 6.

⁴¹ Там же, тетр. 1, л. 4—4 об.

⁴² Там же, тетр. 3, л. 2 об.

⁴³ Там же, тетр. 1, л. 9 об.—10.

⁴⁴ Там же, тетр. 2, л. 6 об.—9.

⁴⁵ Там же, тетр. 3, л. 6 об.—7.

⁴⁶ Отметим, что все пять указанных выше экспедиций были организованы С.Д.Лисицианом за счет внемузейных средств, которые находил он сам, и получены они были от Комитета восстановления Зангезура, Комитета помощи Армении, специальных средств Наркомпроса Армении. См.: *Лисициан С.Д.* Исторический очерк, л. 24.

⁴⁷ АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 87.

⁴⁸ Лисициан С.Д. Исторический очерк, л. 25.

⁴⁹ АГМИА, ф. 1, д. 46, л. 3, д. 399, л. 2 об.

⁵⁰ Лисициан С.Д. Исторический очерк, л. 34.

⁵¹ Там же.

⁵² Евгения Гюзальян активно занималась и общественной работой: была председателем профкома музея, вела протоколы собраний, участвовала в кампании по ликвидации неграмотности: в 1934 г. решением производственного совещания музея к ней была прикреплена одна из неграмотных сотрудниц (АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 4). Среди семейных реликвий сохранились членский билет Союза воинствующих безбожников (время вступления — 1929 г., марки об уплате взносов за 1930—1931 гг. — это еще ее студенческие годы в Ленинграде); удостоверение № 78 Института марксизма-ленинизма ССРА (январь 1932 г.); книжка (№ 5) Ударника (профсоюз Политпросветсоюз, предприятие «Культурно-исторический музей», дата выдачи — 2 мая 1935 г.)

⁵³ Кафадарян К.Г. Государственный Исторический музей. — АГМИА, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 8, 9.

⁵⁴ Казарян Каро Никитич — член партии с 1918 г., участник Гражданской войны, выпускник исторического факультета МГУ, долгие годы находился на партийной и советской работе: в 1930—1932 гг. — заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Армении, в 1932—1937 гг. — директор Института истории партии, до ареста — лектор Ереванского государственного университета.

⁵⁵ Григорян Мелкон Ервандович, член партии с 1926 г., до ареста — первый секретарь Кафанского РК КП(б) Армении.

⁵⁶ ЦГАНИ РА. Следственное дело Евгении Гюзальян, ф. 571, оп. 5, д. 411, л. 28, 38.

⁵⁷ Там же, л. 38.

⁵⁸ Там же, л. 61—63.

⁵⁹ Отметим, что все дети в этой семье получили музыкальное образование и хорошо музицировали. Сама Женя особенно любила Шопена, часто играла по слуху.

⁶⁰ Автор приносит глубокую благодарность дочери Назик Гюзальян — Мери Карповне Казарян, которая при написании данной статьи помогла своими рассказами и воспоминаниями восполнить и уточнить скудные биографические данные о Жене Гюзальян и ее семье, предоставила возможность ознакомиться с хранящимися у нее материалами и семейным альбомом.